

ДРАКОНЫ И КАБАНЫ СРЫВАЮТ ВЫГОДНЫЕ БРАКИ: ФАНТАСТИЧЕСКИЕ КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

МАРИЯ ПОКУСАЕВА, «ЧЕРНАЯ НЕВЕСТА» («МИФ»)

Леди Флоренс живет с дядей. Ее мать потеряла рассудок. Отец, художник и алхимик, погиб. И леди Флоренс совсем скоро станет совершеннолетней, так что весь роман ей пытаются подобрать выгодную пару. Есть, правда, альтернативный вариант — отправиться в обитель святой Магдалены. Когда все вокруг считают тебя красавицей — перспектива так себе. И вот, казалось бы, нашелся он, подходящий жених, более или менее удовлетворяющий всех. Но все идет не по плану — настолько, что об этом пишут в газетах, сдабривая шокирующие новости громкими заголовками. А юноша Ронан Маналлан тем временем, если коротко, решает всякие магические вопросы — и ввязывается в расследование газетной истории.

Пишут, что «Черная невеста» нерасторопна и распевна, а кто-то во время чтения может и заскучать. Действительно, первая половина романа — нечто в духе салонных сцен «Войны и мира», полных английских версий Анн Павловн Шерер, Нурагиных, Болконских и Безуховых; тут сплошь и рядом походы в театр, пикники, званые вечера с потенциальными женихами, разговоры тет-а-тет. Эти с первого взгляда пустые события, во-первых, удачно задают необходимую атмосферу, а во-вторых, встраиваются в общую сюжетную канву. Мария Покусаева неспешно крутит веретено, и бесформенные, казалось бы, нити из тайных встреч и кабинетных разговоров сплетаются в пряжу сюжета; стоит отойти подальше — разглядишь целый гобелен. «Черная невеста» изящно стилизована: и темпом повествования, и манерой диалогов (а также внутренних монологов), и вечно просканиваемыми фразами-маркерами эпохи, присущими Англии псевдовикторианской эпохи. Взять, например, такую: «искусство беседы, как и искусство танца, не привязано к полу». «Черная невеста» полна алхимии, симпатической магии (подобное притягивает и лечит подобное), да и философии — старине Бэкону здесь место найдется.

Мария Понусаева чувствует себя в выбранном временном отрезке как рыба в воде, а потому органично смотрятся даже отсылки к современности. Константин Мильчин свое мимолетное впечатление точно оценил.

Основная сюжетная интрига завязана на своего рода волшебстве (приходится ходить вокруг да около, чтобы не спойлерить), но магия в книге почти неощутима: герои мельком упоминают разные заклятья, сдерживающие магические способности, а также ведьмовство и волшебные камушки, благодаря которым лимонад остается холодным. «Черная невеста» — не фэнтези, а скорее очень намеренная альтернативная история с легкими фантдопущениями: без мудреных магических систем и фона на глобальных исторических событиях, гремящих где-то фоном. Такой мир вполне может поместиться в уютной кладовой — это ему только на пользу. Нет ощущения, что роман чересчур раздут, как часто бывает с подобными историями, больше уходящими в сторону фэнтези. Мария Понусаева знает, когда книге просто необходим корсет, а когда от него можно с легкостью избавиться.

«После того пикника все вокруг стало меняться так стремительно, что Флоренс чувствовала себя не на своем месте. Спокойное, почти ленивое течение ее жизни, загнанное в берега из условностей, обязанностей и запретов, превратилось в звонкий ручей, словно кто-то взорвал плотину. Флоренс несло вперед, как случайно подхваченную потоком веточку, швыряло из стороны в сторону, от берега к берегу, ударяло о каменные пороги, но смеяться от этого хотелось больше, чем плакать.

После того пикника были еще: и пикники, и чаепития, на которых Флоренс сидела рядом с кузинами и по большей части молчала, не зная, о чем говорить с блестящими дамами и молодыми джентльменами, которых леди Кессиди приглашала в дом. И которые, к счастью или к сожалению, замечали Флоренс куда реже, чем Дженни. Были званые вечера и обеды не дома. Там соседом Флоренс оказывался в лучшем случае какой-нибудь застенчивый, как она сама, юноша, от смущения роняющий приборы. В худшем — господин возраста лорда Силбера, и тогда приборы роняла сама Флоренс. От страха».

ВАДИМ ПАНОВ, «ДЕНЬ ЧЕРНОЙ СОБАНИ» («АСТ»)

Когда из багажника каршеринга вдруг вылетает стая летучих мышей, обнажая обескровленный труп, сразу становится ясно: одним таким убийством дело не кончится. Его, преступника — то ли маньяка, то ли серийного убийцу, — прозывают Нровососом. О нем пишут СМИ и говорят блогеры, а он только рад. Сам подбрасывает, как выражается, «ности» — ролики с места убийств в интернете. И твердит о всеобщем искуплении зла, о некоем Дрануле. За дело берутся Феликс Вербин и его коллеги — все оказывается так запутано, что герои даже договариваются выпить, как только с делом будет покончено. Спойлер — не выйдет. Феликсу предстоит просчитать причудливый план убийцы, предостеречь от беды особо горячих на голову блогеров, выяснить, почему людям снится черная собака и что скрывает зеленоглазый черный же кот. Читателям Вадим Панов тоже приготовил работенки: как связаны события почти двадцатилетней давности, детские рисунки и «ведьмы» (или навыки можно опустить?) с ужасными событиями настоящего?

Повторим за многими обозревателями: Вадим Панов меняет амплуа и пишет мистический триллер. И тут же поспорим: несмотря на непри-

вычный жанр, автор остается верен себе: бодрая и закрученная история с интригами внутри интриг заставляет до последнего гадать, что же все-таки произошло. Хотя в книге, на удивление, совсем мало экшена в духе погонь и перестрелок. Это и к лучшему: иначе весь саспенс, вся таинственная атмосфера были бы разрушены яркими голливудскими спецэффектами, вставленными «просто так». «День черной собаки» — книга чрезвычайно мрачная. Не только из-за ужасных убийств с откачиванием крови из жертв, находящихся под наркозом (тихая, но ужасная смерть). Тональность в целом достаточно депрессивная — этакий очень низкий и грубый музыкальный анкорд, который держит в напряжении и вгоняет в меланхолию. В этом-то и задумка. Тем более читатель вместе с некоторыми героями вечно блуждает между сном и явью и никак не может понять: неужели детские рисунки действительно оживают? Неужели живут в Москве и Подмосковье ведьмы? Неужели можно просыпаться в одно и то же время ночи, чтобы видеть одну и ту же старуху? Кстати, в психологию преступника Вадим Панов погружается с головой, так что фрагменты от лица убийцы — одни из лучших. Тем, кто смотрел последнего «Бэтмена» с Робертом Патиссоном в главной роли, эти эпизоды могут напомнить сюжетную арку Загадочника. Но Вадим Панов в такие моменты не любит бить в лоб — в книге все окажется тонко и запутанно.

«День черной собаки» — огромное театрализованное представление в готических декорациях. Убийца решает устроить страшное шоу для героев, а Вадим Панов — для читателей. Только методы автор выбирает куда более гуманные: косые взгляды, странное поведение животных, «пророчества» от полусумасшедших бездомных. Но весь жутко-кровавый налет, конечно, не мешает разглядеть простых людей с их привязанностями, фобиями и даже травмами. Есть, правда, ощущение, что фрагменты прошлого в романе получились наваристей фрагментов настоящего — они

эмоционально насыщенной. Вывод о «Дне черной собани» напрашивается только один: если бы так снимали бесконечные полицейские боевики — было бы зрителям счастье.

«Москва стоит на ушах, а они по-прежнему ничего не знают...»

И в этот момент убийцу охватило жгучее желание разбудить, растормошить ничего не понимающую жертву и улыбнуться, глядя ей прямо в глаза. И засмеяться, наблюдая за тем, как в них начинает проявляться понимание, как недоверие сменяется осознанием происходящего, как несчастную охватывает ужас. Жертва впадает в панику, начинает дергаться всем телом в отчаянной, бессмысленной попытке разорвать ремни и вырваться на свободу. А убийца продолжает смотреть ей в глаза и рассказывать, что ее ожидает. И может быть, показывает видео прошлой экзекуции.

“Объяснимое желание, — сказал себе убийца. — Не чувствуя страха жертвы, невозможно получить полноценное удовольствие от ее смерти”.

Нужно чувствовать страх жертвы... нужно видеть, как в ее глазах появляются сначала ужас... потом боль... а потом пустота. Как уходит из них жизнь и наступает миг наивысшего единения жертвы и убийцы — миг отнятия жизни.

Желание разбудить жертву оказалось настолько сильным, что убийце пришлось остановиться у двери и медленно досчитать до десяти. И негромко обругать себя за проявленную слабость».

АНАСТАСИЯ НЕНРАСОВА, «КНИГА ХАОСА. ЗЕМЛЯ ЧУДОВИЩ» («ПОЛЫНЬ»)

Когда-то люди думали, что драконы — существа из легенд. Многие даже называли их проводниками душ. На деле все оказалось иначе. Драноны выползали из пещер, сжигали, убивали... Похитили королеву, мать Гилады, главной героини. Но Гилада вскоре сама должна взойти на престол — конечно, через выгодный бран, который вдруг срывается. Остается один путь: показательно убить дракона, чтобы все увидели — трона Гилада достойна по праву. Только обычный меч тут не поможет. И тогда героиня решается на авантюру — найти полуполюгендарную Книгу Хаоса, дарующую власть над разными чудовищами. Гиrade предстоит опасный путь: миновать лес Чудовищ, провалиться в пещеру, окунуться в реку, а после оказаться в плену у могущественных джиннов. Но все будет вознаграждено — и героиня узнает куда больше о природе Хаоса, из которого, согласно преданиям, родился мир. И, что не менее важно, узнает куда больше даже о своей семье...

«Книга Хаоса» — суровый квест в поисках магического артефакта. Хочется назвать роман «темным фэнтези», но это будет не совсем корректно: все-таки нет тут откровенной жести, черного юмора и глав-героев-мерзавцев. Так что лучше всего будет назвать роман просто мрачным. У Анастасии Ненрасовой получается практически какое-то шоу на выживание. Однако меланхоличная тональность не отменяет того, что перед читателем — квест, приключение. Чем-то «Земля чудовищ» неуловимо напоминает романы Брендона Сандерсона, а на первых порах вовсе кажется, что перед читателем смесь «Игры престолов» и «Голодных игр». Речь, конечно, не о сюжете, а об общих ощущениях. Ближе к середине им предстоит измениться. Квест потихоньку перерастает в эпичную сагу — в этом томе слышны ее первые анкорды, связанные, например,

с волшебной лампой джиннов (мощным артефактом) и разными политическими уловками, интригами.

Частая проблема первых частей книжных серий — их нерасторопность и затянутость. В «Земле чудовищ» маятник качнулся в обратную сторону: складывается ощущение, будто автор куда-то спешит, торопит события, и за несколько сотен страниц происходит слишком многое: неудачные помолвки, блуждания по лесу и замку джиннов, где никогда не знаешь, что окажется за дверью, громкие откровения. Но тут неизбежен еще один удар носом о железобетонное правило любых циклов: каждый том по отдельности воспринимается совсем не так, как все вместе. Можно быть уверенным, что окончание дилогии аккуратным кусочком пазла соединится с «Землей чудовищ». Имея перед глазами обе части, читатель быстро вникнет в суть происходящего и так же быстро волеется в историю — тем более, как верно замечает главная героиня в эпилоге, ничто еще не закончено. Затишье последних строк предвещает бурю.

«Пришло время действовать. Я поняла, что отец не успокоится и мои увещания для него не более чем детский лепет, тогда меня наконец осенило. Испытание драконом издавна использовали, чтобы подтвердить право на престол и укрепить королевскую власть среди поданных. Если я убью крылатую тварь, то никто не посмеет отрицать мое право на престол. Даже Лакриции придется отступить. Корона будет моей. Но это не уберезет меня от домыслов и пересудов. Хорошо подумав, я поняла, что гибель простого дракона не могла ничего изменить, по крайней мере, для меня, и особенно теперь, когда они предлагают мир. Другое дело, если бы умер их старейшина. Но я сомневалась, что вообще способна на такое. Даже если принять во внимание тот факт, что я не смогу противостоять дракону в одиночку, размахивая мечом. Поэтому оставался более изощренный способ. Или, скорее, призрачная надежда, за которую я пыталась ухватиться.»

Книга Хаоса. О ней перешептывались старожилы. Ее объявили выдумкой. Именно в ней я видела свое спасение. Но проблема заключалась в том, что никто доподлинно не знал, где ее искать. У меня была пара идей. И попробовать явно стоило, все лучше, чем сидеть в ожидании неминуемой участи.»

НИЛ СТИВЕНСОН, «СИНДРОМ ОТКАТА» (FANZON)

Мир будущего страдает от последствий глобального потепления: температура выросла настолько, что людям пришлось изобрести специальные охлаждающие костюмы. В некоторых уголках планеты без них не обойтись — например, в Техасе (штат вообще наводнили огромные набаны-наннибалы). Но это — только половина беды. Поднимается уровень моря. Некоторые государства могут навсегда уйти под воду. А потому королева Нидерландов Сасния (полное длинное королевское имя мы опускаем), любительница побыть за штурвалом самолета, принимает приглашение экстравагантного американского бизнесмена, который изобрел нечто, способное изменить климат планеты — откатить температуру к нормальным значениям. Но вот вопрос: пострадают ли от этого другие страны? Процесс уже запущен. Установка «Пина2бо», уменьшающая уровень углекислого газа с помощью серы, работает исправно. Но что будет, если эксперимент резко остановить? Не начнется ли «синдром отката» — процесс, после которого все станет только хуже? Китай и Индия решат проверить новое слово в науке на прочность.

Американского фантаста Нила Стивенсона часто называют «визионером научной фантастики», и не просто так — такие громкие титулы не берутся из воздуха. Автор удивительно точно предсказывает грядущие события за много лет до того, как технологии, делающие их возможными, выходят на необходимый уровень. Так, допустим, было в романе «Лавина» (1992) — здесь появилась метавселенная с виртуальными аватарами и мир корпораций, которые могущественнее государств. В «Синдроме отката», как уже сказано, автор размышляет о последствиях глобального потепления. Но Нил Стивенсон прекрасен прежде всего тем, что не заигрывает в пророча и не стремится ничего именно «предсказать» с серьезным видом; для него книги — не вещие гимны, а попытка смоделировать один из возможных вариантов развития событий и поместить в эту полную бактерий чашку Петри своих героев. Дальше автор просто предпочитает смотреть, как те будут реагировать.

Нил Стивенсон — создатель очень живой и человечной научной фантастики: ее нельзя обвинить ни в «хилости» фактов и прогнозов, ни в шаблонности и неправдоподобности персонажей. Последним «Синдром отката» особенно хорош. Королева Нидерландов — весьма объемная героиня. У нее полно и государственных, и личных проблем: то случится катастрофа на пляже, то снимут дипфейк с ее якобы официального обращения, то ей ужасно захочется наладить свою сексуальную жизнь... А отношения Саснии с дочерью Стивенсон умудряется максимально раскрыть исключительно через переписки в мессенджерах.

Есть у этого и обратная сторона медали. Изобретательность Стивенсона обычно во многом черпала силы в «монтаже» различных фактов: например, в «Лавине» шумерские легенды переплетались с технологиями VR, в «Падении» цифровой мир посмертной жизни конструировался по принципу мифов и религиозных текстов, во «Взлете и падении ДОДО»

магия ведьм взаимодействовала с квантовой физикой. В «Синдроме отката» все как-то просто. Складывается ощущение, что то ли Стивенсон торопил события, то ли ему просто не хватило страниц: вот перед читателем описание механики «Пина2бо», вот разговоры о возможных последствиях, вот мир спустя несколько лет после запуска эксперимента, вот геополитика (печальные прогнозы для США, зато многообещающие — для Индии и Китая, новых сверхдержав), вот личные проблемы героев, и вот... все. Кажется, потух некий огонек в груди автора. Нет в романе глобальной интриги, стягивающей к себе все сюжетные нити; вещи просто происходят сами собой, а некоторые события сшиты друг с другом белыми нитками: катастрофа в Нидерландах и вытекающая из них сумятица помогают проверить на прочность героев, но не слишком влияют на сюжет. Последствия не нарастают снежным комом, чтобы в конце свалиться на голову читателя, а тщательно убираются широкими лопатами куда-то «за кадр». Несмотря ни на что, читатели наверняка скажут о «Синдроме отката»: «А ведь к этому наш мир и идет». Значит, главную свою работу Нил Стивенсон сделал.

ТАТЬЯНА МАСТРЮКОВА, «БЛОШИНЫЙ РЫНОК» («РОСМЭН»)

Однажды к мальчику — главному герою (не будем раскрывать его имя, как не раскрывает и он сам) — приходит дед Власий. На вопросы, где он был до этого, отвечает: мол, поссорился с твоим отцом. И Власий начинает учить героя странным вещам: заговорам, борьбе с порчей. Заставляет всегда ходить по лестнице и никогда не использует электрический звонок. А потом водит внука по блошиным рынкам к своим «знакомцам». Так проходит время. Дед Власий пропадает, но теперь главный герой сам скупает странные вещи, ведь они зовут его: это может быть замок, лапоть, спичечный коробок или портрет Есенина. У каждой вещи — жуткая история: в одной домовая обещает всех сожрать, в другой кто-то выкалывает себе глаза спичками, чтобы не видеть бесов, а в третьей в ванной заводится жуткая старуха. Да только у главного героя нет своей собственной истории. Он — человек-мозаика, собиратель. И представьте его удивление, когда он узнает, что самого Власия тоже... определенным образом нет.

Татьяна Мاستрюкова продолжает искать новые подходы к написанию фолк-хоррора. В этот раз, казалось бы, читателю предлагают сборник не связанных между собой рассказов, которые автор с легкой руки решила упаковать необычным образом: объединила мини-сюжеты сновидным героем, тем самым бархольщиком историй, их рассказчиком. Но тут нужно внимательно следить за руками Татьяны Мاستрюковой — там припрятана пара тузов. Оказывается, все закономерно. Чужие жизни непосредственно связаны с главным героем и финалом книги — пожалуй, самой жуткой ее частью, которая не идет в сравнение ни с какими заговорами и зловещими постукиваниями за стеной.

«Блошиный рынок» — самая взрослая и мрачная история Татьяны Мاستрюковой. Во-первых, сам рассказчик здесь — угрюмый и словно безликий, он — чужое отражение, запечатленное на страницах романа. Оттого новая книга получается психологически герметичной: герой как бы замурован в собственной голове и в лабиринте чужих историй, ему не с кем поговорить, а потому весь текст — большой шекспировский монолог

с собой, своего рода исповедь. От этого уже бегут мурашки по спине. Во-вторых, сама эстетика блошиных рынков добавляет жути: темные личности, жуткие нунлы, иконы, на которые лучше не смотреть в темноте... Татьяне Матрюковой удастся создать невероятно гипнотический ужастик в холодной тональности. Книга разгоняется неспешно, как старые черно-белые триллеры, — только на последних страницах все встает на свои места, а духи возвращаются к живым в единственный возможный день — в Осенние Деды, наш аналог Хеллоуина. Итого: Татьяна Матрюкова вновь доказывает, что она — прекрасный реконструктор, способный завернуть раритетный фольклор в привлекательную обертку, коих у автора в запасе множество.

«Вовчик так и не сходил ни к бабушке, ни к дедушке, ни в медпункт. Стал болеть часто, бессонницей страдать. Но мужику же нельзя слабость показывать! Чем чаще ему советовали обратиться за помощью, тем сильнее он замыкался в себе и сквозь спичку цедил: “Сам знаю... Сам справлюсь...” Сипло цедил, у него нелады с горлом серьезные начались.

Но когда человек взрослый, то, действительно, сам решает, как ему разбираться со своей жизнью. Никто ему не нянька. Только обсуждали между собой, что так недалеко и до беды, хотя Вовчик крепкий, может, и вправду сам справится.

До поры до времени прощали ему и прогулы — не из-за запоя пропускал, из-за болезни. Хотя бригадир уже подумывал в приказном порядке Вовчика на обследование отправить, под угрозой увольнения. А потом Вовчик разгрыз очередную спичку на щепки и выколол ими себе глаза».

АЛИСА АВЕ, «НОЧЬ В НОМЕРЕ 103» («МИФ»)

Писательнице Мичи нужно сесть за роман. Издатель требует, срони горят. Только никак она не может собраться мыслями. И вот решает уехать в небольшой лесной отель. Когда тансист начинает говорить ей что-то о территории духов, Мичи, конечно, только шутит. Еще чего, воспринимать такие байки всерьез! Она проводит первую ночь в люксе — в номере 103, где до этого никто не селился, — и просыпается... мертвой. Вокруг к тому же слуги-духи, живущие в разных предметах: зонтиках, тряпках... А ведь дедлайн по роману никто не отменял! Выясняется, что умерла Мичи не просто так: она станет частью сделки с некоей Госпожой, история которой началось много лет назад...

«Ночь в номере 103» — один из самых необычных русскоязычных фэнтези-романов в азиатском сеттинге на рынке. Да его и фэнтези не совсем корректно называть. Это разросшаяся сюжетными линиями магическая притча. Ее сладкая сердцевина — как у конфеты, — еще одна притча, существующая внутри романа — притча о смерти, которую все, кроме, пожалуй, одного Самурая, видят уродливой старухой и ненавидят, не спешат впустить в дом. Есть здесь и элементы семейной саги. Роман Алисы Аве — история не столько о самой Мичи, сколько о людях, окружающих ее в отеле. Об их судьбах, решениях и клятвах: о потерявшем невесту Рюу и веновечной старухе-хозяйне Ханусане, использующей особых нукол для контроля над домочадцами. Ее боятся даже духи. Есть у романа нечто общее с «Унесенными призраками» Миядзакэ — это и «волшебный отель», и схожая атмосфера, и даже цветовая палитра, красочная и пастельная: серебряный лунный свет, бледная кожа и алые узоры крови на клинке.

«Притчевость» Алиса Аве выдерживает и стилистически — текст весьма поэтичен, пытается воздействовать сразу на все органы чувств читателя: цветами и запахами. В чем-то книга даже напоминает японскую поэзию. «Ночь в номере 103» — история протяжная и расслабляющая, здесь нет ненужного экшена. Эстетично выглядят даже сцены «захвата» духом чужого стареющего на глазах тела или «высасывание» волшебными пауками снов из ушей героини. Темп повествования неспешный, но при этом вовсе не утомляющий — эпизоды перетекают из одного в другой красивыми мазками восточной туши, и вот уже близко-близко рассказ о Госпоже и ее верном Самуре — пожалуй, лучшая часть книги, из которой, нан из зерна, растут стебли и листья сюжетных ходов и чужих судеб.

«Белое кимоно, накидка из крепа и парчи, затканная журавлями. Пояс на тонком стане, веточка глицинии в волосах. Кумико — лунный свет, ласкающий взор Рюу. Она шла по саду, и космеи качались, признавая ее превосходство, тянулись к свадебному кимоно.

По черному хаори Рюу вился дракон — мать старалась, вышивая покровителя сына. Он не стал драконом, как мечтал в детстве, но дракон был с ним в этот день, защищал, придавал сил. Рюу молил священного зверя даровать ему смелость, но от близости Кумико, трепетной, ясной, с напудренным белоснежным лицом, Рюу боялся вдохнуть, чтобы не спугнуть видение, ниспосланное ему».

НА ТИ ЛИН, «У СМЕРТИ ТВОЙ ГОЛОС» («РОСМЭН»)

Когда Ли Юн Хи было 12 лет, ее мама, корейская звезда-предсказательница, предренкла, что девушка умрет после первой серьезной влюбленности. С тех пор жизнь героини пошла под откос. Внешне все хорошо: Ли Юн Хи ни с кем не ссорится и сама гадает по датам рождения, стихиям,

именам... Однако парней девушка избегает, как огня — ей двадцать, а она еще ни разу по-настоящему не целовалась. Хотелось ведь! И вот на очередном сеансе предсказаний от остановки сердца умирает молодая клиентка. А ведь Ли Юн Хи только что пообещала ей долгую жизнь. Как так вышло? Знаки не обманывали! Что-то тут не так. Героине вместе с инспектором придется разобраться в череде смертей и попытаться изменить предначертанную судьбу. Все события, конечно, онанутся связаны с силами иного порядка — духами в телах людей, стихиями и древними легендами.

Российская писательница Екатерина Соболев выпускает уже второй роман о Коре, и второй раз берет себе аутентичный псевдоним На Ти Лин. Если первая книга («Тэянг») была в лучшем смысле диснеевской историей об изнанке к-роп с посылом «бойся своих желаний», то теперь перед читателем романтическая комедия, написанная, во-первых, задорно, во-вторых, для аудитории постарше, а в-третьих — с большим вниманием к главной героине. Екатерина Соболев берет огромную лупу и наводит ее на Ли Юн Хи — той не скрыть от читателя ни одного нюанса личной жизни. Героиня смущается, что будет спать на диване вдвоем с парнем (без каких-то сексуальных подтекстов), а мать отчитывает ее за увлечение мальчиками (отец, к слову-то, верно замечает, что в таком возрасте обращать внимание на парней — абсолютно нормально). К тому же Екатерина Соболев, как и в «Тэянг», вновь работает от первого лица: слог романа становится более живым и правдоподобным. Книга вновь похожа на весьма достоверный диалог с подростком. Это не тот случай, когда взрослый использует всякие «прикольные» словечки и слова-паразиты, не понимая их значения. Обычно, вспоминая Чехова, говорят, что все сюжетные ружья должны выстрелить; часто забывают добавить, что все языковые решения — тоже. Екатерина Соболев об этом помнит. В итоге легкий, но мудрый текст не перегружен философией. Самое главное — нет даже никаких намеков на нравоучения и назидания.

Не стоит думать, что «романтическая комедия» подразумевает пустых, шаблонных, комичных персонажей и столь же шаблонный сюжет, да к тому же водянистый текст, состоящий почти только из диалогов, — Екатерина Соболев пишет весьма плотно. Причудливый узор сюжетных линий и психологических проблем сходится в одной точке — далеко не фантастической. Вот и получается, что «У смерти твой голос» — книга прежде всего о принятии себя, где житейская история первой встречи родителей героини оказывается куда важнее духов, стихий и астральных нарт (или что там нынче в моде?). Правильно говорит папа Ли Юн Хи: всю жизнь девушку учили быть «беззубой». Потому весь роман она учится как следует кусаться — самый главный «кус» достанется судьбе, а вот «куси» поменьше — паре духов и (что бы вы думали?) маме.

«Вот как все было. В двенадцать лет у меня начались месячные, и я обрадовалась, потому что знала, что это значит: пусть мне сейчас очень паршиво, я становлюсь женщиной и теперь вроде как имею полное право влюбляться. А влюблялась я постоянно! Начиная с младшей школы, я вечно любовалась каким-нибудь мальчиком, мечтала ходить с ним вместе на обеды, — а иногда и ходила. Я писала в дневник о своих чувствах, щедро обклеивая признания разноцветными стикерами, и даже успела раза три поцеловаться в щечку.

Но в тот день мама усадила меня за кухонный стол и сказала, что настало время погадать мне на судьбу, — я ведь стала взрослой. Мама

долго разглядывала мое бацзы, считала что-то на листах бумаги, велела мне подбросить несколько монеток и сверила то, что выпало, с древней китайской Книгой Перемен. Потом встревоженно позвала отца и изрекла приговор. Моя судьба, которая проявилась, когда я вступила на путь взрослой жизни, — умереть молодой. Но мама нашла лазейку, два знака, которые сводят друг друга на нет, — если я не испытаю любви до тридцати лет, до достижения расцвета жизни, то звезда личного разрушителя в моем гороскопе закатится, и звезда волшебника любви займет ее место».

ГЕРМАН И ТАМАРА РЫЛЬСКИЕ, «ВЗЛОМАТЬ СМЕРТЬ» («НИСЛОРОД»)

Француженка Валери — студентка-программист, которая разработала программу «Червоная королева», способную работать с большими базами данных и выстраивать генеалогические древа. Хотя функционал «Норолевы» куда больше: в ней спрятана и карточная игра, и вирус с протоном «Чеширский кот», помогающий обойти все известные анти-вирусы. И вот Валери предлагает работу богат-бизнесмен Этьен Моро. Валери перебирается к нему в особняк — в умный дом, где предметы, почти как в диснеевском мультиме, не поют, но говорят — в особенности AI-дворецкий. Валери начинает работу, уже зная, что Этьен — потомок легендарного Синего Бороды, убивавшего своих жен. И так уж случается, что Валери сама выходит замуж за Этьена... Будет ли все как в сказке или иначе? Герман и Тамара Рыльские приготовили много обманок.

«Взломать смерть» действительно полон самых разных сюрпризов. Главные из них — сюжетные твисты, которые перевернут представление о происходящем. Не стоит думать, что герои чересчур много топчутся

на сюжетной канве оригинальной сказки о Синей Бороде. Другой большой сюрприз — сама манера «пересказывания истории». Герман и Тамара Рыльские уже не в первый раз показывают самый настоящий мастер-класс и создают ретеллинг с двойным дном. Он удается не столько за счет оригинального сюжета, сколько за счет его зеркального отражения — как раз таки событий в нашем времени. Авторы словно создают цифровую копию сказки и работают уже с ней: дополняют оригинальный код историческими деталями (здесь речь пойдет и о реальном прототипе Синей Бороды), а дальше внедряют программирование, вирусы, искусственный интеллект, немного дронов... Получается этакий монстр Франкенштейна из тем и эпох, но одет он с иголочки. Все на своем месте.

«Взломать смерть» — книга с элементами детектива, триллера и мистики. Но главная часть романа — полная сомнений и адекватного количества рефлексии история Валери. Сказку о Синей Бороде девушка знает. И во второй половине текста именно это максимально влияет на ее действия — особенно когда друг скидывает весьма интересные данные о господине Этьене. Герман и Тамара Рыльские прописывают живых героев и погружают их в не менее «живые» обстоятельства: с одной стороны, читатель понимает, что перед ним — современная сказка (ну кто взаправду согласится жить в странном, пусть и hi-tech, особняке?), а с другой — чувствует, что мыслят герои не литературно, а, скажем, житейски. Они не нуолки в руках авторов, танцующие под дудочку событий, а самодостаточные личности — даже AI-дворецкий. Он, к слову, придает книге особый шарм. Ну а завершающие сцены с музыкой Rammstein — какое-то отдельное удовольствие, ради которого можно простить несколько сомнительный финал, где авторы зачем-то куда-то спешат. Оригинальная сказка о Синей Бороде закончилась на доброй ноте, а как закончится «Взломать смерть» — одному дьяволу известно. Да-да, именно ему [здесь текст становится неразборчивым, а свечной огонек гаснет].

«Услышав это, девушка на менование лишилась дара речи. Это звучало грубо. Хотя чего она ожидала? Ясно как божий день, что Этьен Моро не из тех людей, которые не могут спокойно смотреть, как женщина, да еще молодая, занимается чем-то серьезнее дизайна бровей. Валери регулярно сталкивалась с подобным отношением. Чего далеко ходить — ее собственный отец считал, что девушка не может разбираться в предмете настолько сложном, как программирование, и советовал ей выучиться на фитнес-тренера или коуча».

МАРИЯ РУДНЕВА, «СТЕКЛЯННЫЙ ГОРОД» («ЭНСМО»)

Ах, Марблит — город-сказка, город-мечта, город-витраж, где стекольщик — самая почитаемая профессия! Тут не принято есть вне дома, потому нет ресторанов, зато есть кофейни и бесчисленные сладости. Мэр города выходит на балкон, играет на скрипке и устраивает волшебное шоу; все вокруг улыбаются, а вместо валюты пользуются стеклянными шариками. И совсем не страшно, что Марблита нет на картах, а техника тут не работает. Как говорят местные — это все горы! Прибывает, кстати, сюда лишь один поезд, который уже не уходит обратно. Так вот искусствовед Хью, художница Бритт и студентка-журналистка Меган случайно оказываются в дивном городе. Им предстоит вывести его жителей на чистую воду, раскрыть страшные тайны, помочь господину из зеркала

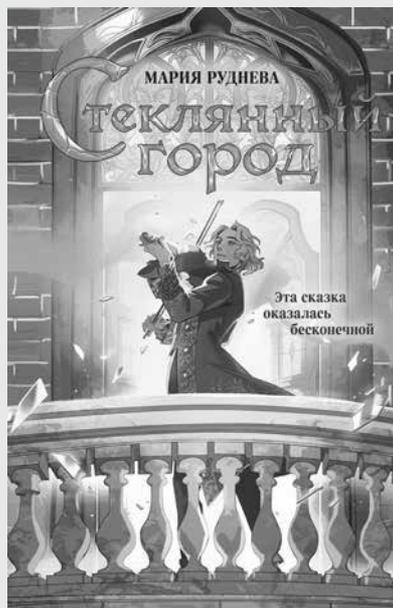
и понять две вещи: кто такие таинственные черные птицы и есть ли в мире место лучше Марблита? Может, стоит остаться?

Мария Руднева в послесловии к «Стеклянному городу» говорит, что это своего рода «игра в бисер». Можно сказать и по-другому: это игра в Сказку Сказок, овеянную мечту, где могут столкнуться гумилевская волшебная скрипка, Щелкунчик, Крысолов из Гамельна и даже господин Хичнок. Книгу периодически сравнивают с историями Гофмана — на уровне атмосферы пересечения и вправду запросто найдутся. Но если вся фантазмагоричная «волшебность» Гофмана, все «причуды» — это органичная часть его художественного мира, то Мария Руднева играет с героями и читателями. Ее сказка — фальшь и пустая поделка, она принципиально приторно-волшебна, идеальна. Герои чувствуют это с самого начала: часы здесь показывают одно и то же время в стиле Набокова, стражников почему-то называют «оловянными», а имена жителей будто списаны со страниц детских книжек. Мистер Гласс — стекольщик, мистер Вуд — мастер по дереву, мистер Лайт — фонарщик... Марблит застыл во времени, хотя его жители осведомлены о событиях современности. Действие романа, к слову, происходит в XXI веке.

«Стеклянный город» — этаное волшебное расследование, классическая история о сказке наяву с подвохом. Магическая ли антиутопия это? Не совсем. Опять же, лишь игра с этим жанром в несколько непривычном ключе. Что выйдет, если из человеческих мечтаний решат собрать некий идеальный город? Героям и читателям предстоит это разузнать в двух частях: сначала Мария Руднева познакомит с Марблитом и устроит полномасштабную (максимальный турпанет, не иначе) экскурсию по городу, в процессе которой бросит блесток в глаза, но все равно обратит внимание на выбивающиеся из сказочной мозаики детали (посмотрите направо — там вы видите странный дом, который все обходят стороной). Потом предложит разгадать все тайны (теперь посмотрите налево — там черные ходы, которые скрывает мэр) и выдаст критически много информации устами героев. Прием, назалось бы, часто выглядит несколько устаревшим и чопорным. Но не в контексте «Стеклянного города» — как еще сказочным героям объяснять свою сказочность реальным людям? Этот мир Нарабаса-Барабаса четко следует заданному сценарию и боится сделать, сказать что-то не так — находятся, правда, свои Бура-тино, готовые отпереть потаенные наморни золотым ключиком. Да только в наморнах полно скелетов старых друзей, поверженных непомерными амбициями.

«Хью показалось это странным. Опять же — откуда берется еда? Что вообще питает жизнь в этом непонятном, сказочном городе? Вопросы так и рвались с языка, но Хью усилием воли заставил себя промолчать. Тем более что говорить на эту тему он уже не видел смысла: после разговора с Гвендолин ему стало ясно, что Марблит непохож на другие города, стало быть, и мерить его надо иначе. И важно помнить об этом: ведь чтобы выбраться из Марблита, надо понимать — и принимать — его устройство. Он гнал от себя мысль, что отсюда нет выхода, что он здесь пленник. Вместо этого Хью думал о Марблите как о месте, где ему может быть лучше, чем дома.

Он совсем забыл историю о мальчишке, которого однажды приманили на лукум — и о том, чем все это закончилось».

ИЛЬЯ ПОПОВ, «ЭПОХА ПЕПЛА. ПО СЛЕДУ ДЕМОНА» («НИСЛОРОД»)

Описать роман в двух словах можно так: Ненджи ничего не помнит. Когда в первой главе герой приходит в себя, то буквально мало что понимает. А потом заступает за девушку. Сначала — словами, потом — кулаками, ведь руны вдруг сами вспоминают, как орудовать мечом. Ну а дальше начинается погружение и героя, и читателя в контекст фэнтезийного мира: знакомство со стихийной магией, демонами (и даже поединки с ними!), девушками-паучихами, различными Домами (читай: «семьями» или «кланами») и легендами, которые очень скоро могут оказаться реальностью. Весьма неприятной.

Илья Попов дебютирует с первой частью фэнтези-цикла в восточном антураже. «По следу демона» — первый аккорд, призванный ввести читателя в курс дела. Это достаточно нерасторопное погружение в мир романа со всеми его тонкостями и правилами — этаний мануал перед началом настольной игры, только прочитав который можно наконец-то бросить кости и получить полное наслаждение от процесса. Илья Попов сразу же намеряет — размах событий грянет большой. Но потом! Первая книга сконцентрирована на главном герое и сеттинге.

Читатель постигает нюансы всех Домов, но их тут множество (Дом Шипов, Дом Плюща, Дом Цапли и проч.), а также вникает в их интриги, междоусобицы; получается такая облегченная «Игра престолов» в ином сеттинге, где свои Старки и Ланнистеры уже готовы резать друг друга, но пока разогреваются перед съемкой. Так, очевидно, и надо, ведь первая книга лишь намечает сюжетные линии: здесь только-только зачинается и локальный «путь героя», и глобальные события, связанные с легендой о таинственном Пепельном Короле и Жнецом, который видит цель и не замечает препятствий. Ему плевать на золото и власть. Его интере-

сует мечь. Все это вновь подводит нас к тому, что «По следу демона» (повторимся) — первый анкорд эпической восточной мелодии. Обязательно вслушайтесь, если книги в таком антураже вам по душе.

«По слухам, костяк Братства отрекся от ханитизма и перенял веру айров. Варвары поклоняются Пепельному Королю, веря, что однажды они станут под знамена владыки демонов и отправятся на юг, чтобы уничтожить тех, кто когда-то прогнал их предков обратно на север.

Тогда же неизвестные войны — по слухам, агенты императорского магистрата, — основали Орден Листа. Они поклялись положить свои жизни на уничтожение последнего из Братства. Хотя на сегодняшний день и те и другие считаются всего лишь легендами, чем-то вроде баек о пареньке по имени Го из деревни Хокама, сыне пастуха, который решил стать прославленным воином».

ЕЛЕНА АБРАМКИНА, «ВЕДЬМИНА РОЩА» («ФЕНИКС»)

Когда Глаша приезжает к родственникам в деревню, все почему-то считают ее ведьмой: то ли из-за глаз, то ли из-за волос, то ли потому, что Глаша начинает общаться с молодым врачом Глебом, проходящим практику вдали от города. Деревенские говорят, что он — Хожий, могущественный лесной дух, который ищет себе невесту. А Глеб только и рад подыграть местным. Или он не подыгрывает?. Так или иначе, ведет себя странно: иногда говорит чудные вещи, иногда рисует что-то на руках, чтобы напугать особо любопытных. Или не рисует?. Вопросов слишком много! Но Глаше все же придется занять место старой ведьмы — за помощью к ней даже будет выстраиваться очередь из деревенских. Только куда приведет эта дорога: к счастью или в самую чащу черного леса? И метафорически, и бунвально. Самый сложное — понять, твой это путь или нет.

«Ведьмина роща» — намерный роман о любви, где привычные сюжетные линии плотно сшиты пестрыми нитками фольклора. Нет, это не славянское фэнтези; но да, книга полна славянских мотивов. Завязка и основное действие здесь более чем классические: героиня волей судьбы оказывается вдали от большого города и встречает свою любовь. Включите любой сериал по федеральному ТВ — увидите то же самое; откройте томик Проппа — он заговорит о том же. Это, с одной стороны, несколько испортит впечатление от романа тем, кто устал от тематики ведьм, лесных духов, поговорок и «национального колорита». С другой же стороны, именно этот колорит — главная изюминка книги. «Ведьмина роща» читается очень легко. Стилизованный слог местами весьма напевен. Елена Абрамкина к тому же уделяет много внимания главной героине. Она — тот самый центр тяжести, с которым состыковываются другие герои и события; нет расфокуса от чрезмерного обилия персонажей. Ставки в романе сделаны все же на характеры, а не на сюжет: глобально в книге ничего и не происходит; путь героиня проходит прежде всего внутренний. Внешний событийный фон весьма прост: Глаша распутывает клубок деревенской жизни, знакомится с суевериями и легендами (например, о смертоносном ожерелье) и ближе к середине текста начинает блуждать между сном и явью. Ей чудится то Глеб, который и не Глеб вовсе, то — старая ведьма, непонятно чего желающая: зла или добра. Это одни из самых интересных и насыщенных фрагментов романа. «Ведьмина роща» — книга для тех, кто любит народные мотивы и еще не успел перенасытиться ими. Остальное в процессе чтения приложится. А что до классического сюжета — знаете ли, его тоже нужно уметь подать свежо и не слишком приторно. Елене Абрамкиной определенно удастся.

«— Нет, Глаша, не так все просто. — Глеб тоже оглянулся и заговорил совсем тихо: — Деревня эта, ты видела, когда проезжала, больше чем наполовину брошенная. Кто в райцентр уехал, кто в город. У тех, кто уехать не смог, осталась только изба, пара-тройка собутыльников да страшная сказка. Сказка, которую они превратили практически в религию. Она росла и пускала корни вместе с самой деревней, вместе с рощей, что они ведьминой прозвали, вместе с Ефросиньей Ильиничной, которая сама под конец жизни поверила в собственное ведовство. Люди опираются на эту сказку и чувствуют землю под ногами, только пока эта сказка для них реальна: пока ведьма у всех на виду в огороде своем копается да в лес за травами таскается и пока засылают к ним изредка самых отчаянных или бестолковых из города. В этом их жизнь, их мироустройство. И за эту сказку, за эту опору они будут цепляться до последнего и биться насмерть с каждым, кто попытается выбить ее у них из-под ног».

